



## ГЛАВА I

Осенним утром 1880 года немолодая женщина в сопровождении девушки лет восемнадцати вошла в главный отель города Колумбуса (штат Огайо) и, подойдя к портье, спросила, не найдется ли для нее в отеле какой-нибудь работы. Она была полная, но некрепкого сложения, держалась скромно и просто. Лицо у нее было открытое, большие глаза смотрели терпеливо и кротко, и в них таилась тень скорби, понятной лишь тем, кому случалось участливо заглянуть в лицо беспомощного, подавленного горем бедняка. Нетрудно было понять, откуда взялись у ее дочери робость и застенчивость, которые теперь заставляли ее держаться позади матери и с притворным равнодушием смотреть в сторону. В характере этой девушки воображение, природная чуткость и впечатлительность неразвитого, но поэтического ума, унаследованные от матери, сочетались с отцовской серьезностью и уравновешенностью. Женщин этих привела сюда нужда. Они казались таким трогательным воплощением честной бедности, что вызвали сочувствие даже у портье.

— А какую работу вы ищете? — спросил он.

— Может, вам нужно где прибрать или что почистить, — несмело ответила мать. — А еще я могу мыть полы.

Дочь при этих словах поежилась — не то чтобы ей не хотелось работать, но было горько, что люди поймут, какая крайность заставляет их браться за черную работу. Портье, как подобает мужчине, был тронут горем красивой девушки. Что и говорить, из-за ее наивности и беспомощности их доля казалась еще более тяжелой.

— Подождите минуту, — сказал он и, пройдя в контору, подозвал старшую горничную.

В отеле действительно нашлась работа. Главная лестница и вестибюль оставались неубранными, так как постоянная поломойка получила расчет.

— Это ее дочка? — спросила старшая горничная, издали глядя на женщин.

— Похоже на то.

— Что ж, пускай сегодня же принимаются за работу. Девушка, наверно, будет помогать?

— Поговорите со старшей горничной, — приветливо сказал портье, вернувшись к своей конторке. — Пройдите вот сюда. — Он указал на дверь рядом. — Там с вами договорятся.

Сцену эту можно назвать трагическим завершением долгой череды несчастий и неудач, которые постигли Уильяма Герхардта, стеклодува по профессии, и его семью. Этот человек потерял работу — такие превратности судьбы хорошо знакомы бедным труженикам — и теперь с трепетом встречал каждое утро, не зная, что принесет новый день ему, его жене и шестерым детям, ибо их хлеб насущный зависел от прихоти случая. Сам Герхардт был прикован болезнью к постели. Его старший сын Себастьян, или Басс, как называли его приятели, работал подручным в местных вагоностроительных мастерских, но получал только четыре доллара в неделю. Дженевьеве, старшей дочери, минуло восемнадцать, но ее до сих пор не обучили никакому ремеслу. У Герхардта были и еще дети — четырнадцатилетний Джордж, двенадцатилетняя Марта, десятилетний Уильям и восьмилетняя Вероника; они были еще слишком малы, чтобы работать, и всех их надо было прокормить. Единственным достоянием и подспорьем семьи был принадлежавший Герхардту дом, да и тот заложен за шестьсот долларов. Герхардт занял эти деньги в то время, когда, истратив свои сбережения на покупку дома, задумал пристроить к нему еще три комнаты и веранду, чтобы семье жилось просторнее. До полного расчета по заклад-

ной оставалось еще несколько лет, но настали такие тяжелые времена, что пришлось истратить и небольшую сумму, отложенную для уплаты основного долга, и взнос в счет годовых процентов. Теперь Герхардт был совершенно беспомощен и сознавал, что положение его отчаянное: доктор прислал счет, проценты по закладной не выплачены, давно пора расплатиться с мясником, с булочником — оба они, полагаясь на его безукоризненную честность, верили ему в долг до последней возможности... Все это терзало и мучило его и мешало справиться с недугом.

Миссис Герхардт отнюдь не была малодушной женщиной. Она стала брать белье в стирку, когда удавалось найти клиентов, а в остальное время шила и чинила одежду детей, собирала их в школу, стряпала, ухаживала за больным мужем и, случалось, плакала. Нередко она отыскивала какую-нибудь новую бакалейную лавку — каждый раз все дальше и дальше от дома — и, заплатив для начала наличными, получала кредит до тех пор, пока другие лавочники не предостерегали легковверного благодетеля. Кукуруза была дешевле всего. Миссис Герхардт варила полный котел, и этой еды, чуть ли не единственной, хватало на целую неделю. Каша из кукурузной муки тоже была лучше, чем ничего, а если в нее удавалось подбавить немного молока, это было уже почти пиршество. Жареная картошка считалась у Герхардтов самым роскошным блюдом, кофе — редким лакомством. Уголь они подбирали, бродя с ведрами и корзинами по запутанным путям соседнего железнодорожного депо. Дрова добывались во время таких же походов на ближайшие лесные склады. Так они перебивались со дня на день, в ежечасной надежде, что отец поправится и что возобновится работа на стекольном заводе. Но приближалась зима, и Герхардтом все сильнее овладевало отчаяние.

— Я непременно должен поскорее выпутаться из этой истории, — то и дело повторял упрямый немец; его мало-выразительный голос бессилён был передать гложущую его тревогу.



В довершение всех несчастий маленькая Вероника заболела корью, и несколько дней ее жизнь была в опасности. Мать забросила все дела, не отходила от ребенка и молилась. Доктор Элуонгер, движимый сочувствием, ежедневно навещал больную. Лютеранский священник, пастор Вундт, являлся с утешениями от лица святой церкви. Оба они вносили в дом дух мрачного ханжества. Это были облаченные во все черное посланцы высших сил. Миссис Герхардт думала, что теряет свою девочку, и скорбно бодрствовала у ее постели. Через три дня опасность миновала, но в доме не было ни куска хлеба. Получка Себастьяна ушла на лекарства. Только уголь удавалось добывать даром, но уже несколько раз детей прогоняли из депо. Миссис Герхардт мысленно перебрала все места, куда можно было бы обратиться в поисках работы, и без всякой надежды на успех отправилась в отель. И вот, чудом, ей повезло.

— Сколько вы хотите? — спросила старшая горничная.

Миссис Герхардт никак не думала, что ее станут об этом спрашивать. Но нужда придала ей храбрости.

— Доллар в день — не слишком много?

— Хорошо, — сказала старшая горничная. — В неделю наберется работы примерно дня на три. Приходите каждый день после полудня, и вы вполне справитесь.

— Спасибо вам, — сказала миссис Герхардт. — Можно начать сегодня же?

— Да. Пойдемте, я покажу, где ведра и тряпки.

Отель, куда они так неожиданно попали, был для того времени и для города Колумбуса весьма примечательным заведением. Колумбус, столица штата, насчитывает пятьдесят тысяч жителей, притом тут всегда много приезжих, а стало быть, в городе должны процветать отели и гостиницы, и это обстоятельство использовалось наилучшим образом — по крайней мере, так с гордостью полагали сами горожане. Пятиэтажное здание внушительных размеров стояло на центральной площади Колумбуса, где нахо-

дились также Законодательное собрание штата и крупнейшие магазины. Просторный вестибюль отеля недавно был отделан заново. Пол и мраморная облицовка стен тщательно протирались и сверкали белизной. Наверх вела великолепная лестница с перилами орехового дерева и медными прутьями, придерживающими ковер на ступенях. В одном углу вестибюля видное место занимала стойка, где продавались газеты и сигары. Под лестницей была конторка, за которой дежурил портье, и помещение администрации отеля; все было отделано деревом лучших сортов и увешано газовыми рожками — новинкой того времени. В конце вестибюля помещалась парикмахерская — за дверью виднелись кресла и сверкающие бритвенные приборы. Перед отелем всегда можно было видеть два или три омнибуса, они подъезжали и отъезжали в соответствии с расписанием поездов.

В этом роскошном караван-сарая останавливались крупнейшие политические и общественные деятели штата. Несколько губернаторов поочередно избирали его своей резиденцией. Оба сенатора из Конгресса Соединенных Штатов, когда дела призывали их в Колумбус, неизменно занимали здесь номера люкс. Одного из них, сенатора Брэндера, владелец считал почти постоянным своим жильцом, поскольку у этого старого холостяка не было, в сущности, другого дома в Колумбусе, кроме отеля. Среди прочих, менее оседлых постояльцев были члены конгресса, Законодательного собрания штата, а также кулуарные политики, коммерсанты, адвокаты, врачи — словом, кого там только не было; вся эта разношерстная публика приезжала и уезжала, и отель жил калейдоскопически пестрой и суетливой жизнью.

Мать и дочь, внезапно закинутые судьбой в этот ослепительный мир, были безмерно напуганы. Они едва решались к чему-либо притронуться. Широкий, усталый красный ковром коридор, который они должны были подмести, казался им величественным, как дворец; они не смели поднять глаза и говорили шепотом. Когда же

пришлось мыть великолепную лестницу и чистить медные прутья и решетки, обеим понадобилось призвать на помощь все свое мужество: матери — чтобы преодолеть робость, дочери — чтобы побороть стыд, ведь она должна заниматься этим на виду у всех. Под ними раскинулся огромный вестибюль, и все, кто там отдыхал, курил, входил и выходил, могли видеть их обеих.

— Как тут красиво, правда? — шепнула Дженестьева и вздрогнула от звука собственного голоса.

— Да, — тихо отозвалась мать; стоя на коленях, она неловкими руками усердно выжимала тряпку.

— Наверно, чтобы жить здесь, нужно очень много денег!

— Да, — сказала мать. — Не забывай протирать вот тут, в уголках. Смотри, сколько грязи ты оставила.

Дженни, огорченная этим замечанием, усердно взялась за работу и терла изо всех сил, уже не смея больше смотреть по сторонам.

Старательно, не жалея рук, они работали до пяти часов; на улице уже стемнело, и вестибюль был ярко освещен. Они кончали мыть лестницу, оставалось несколько ступеней в самом низу.

В это время отворилась широкая двустворчатая дверь, которая то и дело распаивалась, впуская с улицы струю холодного воздуха, и вошел высокий немолодой человек в цилиндре и широком плаще военного покроя; он резко выделялся на фоне праздной толпы — сразу видно было, что это важная особа. Лицо у него было смуглое, со строгими чертами, но открытое и приятное; над блестящими глазами нависали густые черные брови. Он на ходу взял с конторки уже приготовленный для него ключ и стал подниматься по лестнице.

Он не только осторожно обошел пожилую женщину с тряпкой, но и снисходительно махнул ей рукой, словно говоря: «Ничего, я пройду».

В эту минуту дочь выпрямилась и оказалась с ним лицом к лицу; по ее глазам было видно, как она испугана тем, что очутилась у него на дороге.



Он приветливо улыбнулся и кивнул.

— Напрасно вы беспокоились, — сказал он.

Дженни только улыбнулась в ответ.

Поднявшись площадкой выше, он невольно обернулся и, взглянув на девушку, убедился, что она, как и показалось ему сразу, необыкновенно хороша собой. Он заметил высокий чистый лоб, волосы, ровно разделенные пробором и заплетенные в косы, голубые глаза и румянец. Он успел даже полюбоваться красивым изгибом губ, почти детским овалом лица и стройной, изящной фигуркой, воплощением юности, здоровья и надежд — всего, что так высоко ценит человек уже немолодой. Затем он с достоинством пошел дальше, ни разу больше не взглянув в ее сторону, но унося с собой ее прелестный образ. Это был достопочтенный сенатор Джордж Сильвестр Брэндер.

— Какой он красивый, этот человек, который сейчас прошел наверх, правда? — немного погодя сказала Дженни.

— Да, — подтвердила мать.

— И трость у него с золотым набалдашником.

— Не надо глазеть на людей, — наставительно сказала мать. — Нехорошо.

— Я на него не глазела, — простодушно возразила Дженни. — Он сам мне поклонился.

— Незачем тебе смотреть на чужих, — сказала мать. — Может быть, им это не нравится.

Дженни снова молча принялась за работу, но блеск этого удивительного мира не мог не занимать ее. Помимо воли она прислушивалась к царившему вокруг оживлению, к разговорам и смеху, которые сливались в сплошной веселый гул. В одном конце первого этажа был ресторан; оттуда доносился звон посуды, и нетрудно было угадать, что там накрывают на стол к ужину. В другом конце находилась гостиная, там кто-то заиграл на рояле. Во всем чувствовалась веселая непринужденность, обычная перед вечерней трапезой. И сердце бедной девушки забилося надеждой, ибо она была молода и нужда еще не



успела придавить ее душу всей своей тяжестью. Она продолжала прилежно мыть и чистить и минутами забывала о своей усталой матери, работавшей рядом, — о матери, чьи добрые глаза окружены были сетью морщин, а губы беззвучно повторяли нескончаемый перечень повседневных забот. Девушка могла думать только о том, как заманчиво все вокруг, и ей хотелось, чтобы и на ее долю выпало немного этого блеска и веселья.

В половине шестого старшая горничная, вспомнив о них, пришла их отпустить. С лестницей было покончено; со вздохом облегчения они оставили ее и, убрав на место ведра и тряпки, заторопились домой, причем мать была очень довольна, что наконец-то нашла работу.

Они шли мимо больших красивых зданий, и снова Дженни ощутила смутное волнение, которое пробудили в ней необычность и новизна всего виденного в отеле.

- Хорошо быть богатым, правда? — сказала она.
- Да, — отозвалась мать, думая о больной Веронике.
- Ты видела, какая у них там огромная столовая?
- Да.

Теперь они шли мимо жалких, неказистых домов, под ногами безжизненно шуршали осенние листья.

— Вот бы мы были богатые... — почти про себя пробормотала Дженни.

— Не знаю, что и делать, — с тяжелым вздохом призналась мать. — Дома, наверно, совсем есть нечего.

— Давай зайдем еще раз к мистеру Баумену! — с живым сочувствием откликнулась Дженни, тронутая ноткой безнадежности, прозвучавшей в голосе матери.

- Ты думаешь, он еще поверит нам?
- Мы ему скажем, что нашли работу. Я сама скажу.
- Хорошо, — устало согласилась мать.

Не доходя двух кварталов до дому, они несмело вошли в маленькую, тускло освещенную бакалейную лавку. Миссис Герхардт хотела заговорить, но Дженни опередила ее.

— Вы не дадите нам сегодня в долг хлеба и немного сала? Мы получили работу в «Колумбус-Хаусе», в субботу мы непременно вам заплатим.

— Да, — прибавила миссис Герхардт, — теперь у меня есть работа.

Они были постоянными покупательницами Баумена еще до того, как начались все несчастья и болезни, и он знал, что они говорят правду.

— А давно вы там работаете? — спросил он.

— Нынче первый день.

— Вы меня знаете, миссис Герхардт, — сказал он. — Мне не хотелось бы вам отказывать. Мистер Герхардт человек надежный, но ведь я тоже небогат. Время сейчас тяжелое, — прибавил он, — а у меня семья.

— Да, я понимаю, — тихо сказала миссис Герхардт.

Спрятав под старой шалью огрубевшие, красные от работы руки, она беспокойно сжимала их. Дженни стояла рядом в напряженном молчании.

— Ладно, — сказал наконец Баумен. — На этот раз, так и быть, еще дам в долг. В субботу заплатите сколько сможете.

Он завернул им хлеб и сало и, протягивая Дженни сверток, сказал с усмешкой:

— Когда у вас снова появятся деньги, вы, наверно, станете покупать где-нибудь в другом месте.

— Неправда, — возразила миссис Герхардт, — вы же знаете, что нет.

Но она была слишком измучена, чтобы вступить с ним в долгие объяснения.

Они повернули за угол и пошли по мрачной улице, застроенной убогими домишками.

— Хотела бы я знать, достали ли дети угля? — устало сказала мать, когда они были в нескольких шагах от дома.

— Не волнуйся, — сказала Дженни. — Если не достали, я пойду и принесу.

— Какой-то дядька нас прогнал, — не успев даже поздороваться, выпалил Джордж, когда мать спросила про уголь. — Но я все-таки принес немножко, — добавил он. — С платформы сбросил.

Миссис Герхардт улыбнулась, а Дженни громко рассмеялась.

— А как Вероника? — спросила она.

— Спит как будто, — сказал отец. — Я ей в пять часов еще раз дал лекарство.

Мать приготовила скудный ужин и села у постели больной девочки, собираясь, как всегда, бодрствовать подле нее всю долгую ночь.

За ужином Себастьян внес деловое предложение, к которому все отнеслись с должным вниманием, так как он был человек практический, более других опытный во всех житейских делах. Себастьян работал всего лишь подручным в вагоностроительных мастерских и не получил никакого образования — его учили только догматам лютеранской веры, которые были ему очень и очень не по вкусу, — зато он был исполнен чисто американской энергии и задора. Рослый, атлетически сложенный и очень крепкий для своих лет, он был типичным городским парнем. У него уже выработалась своя жизненная философия: если хочешь добиться успеха — не зевай, а для этого надо сблизиться или, по крайней мере, делать вид, будто близок с теми, кто в этом мире, где внешнее и показное превышает всего, занимает первые места.

Вот почему Басс любил слоняться у «Колумбус-Хауса». Ему казалось, что этот отель — средоточие всех сильных мира сего. Когда ему удалось скопить денег на приличный костюм, он стал по вечерам ходить в центр города и часами простаивал с приятелями у входа в отель; он щелкал каблуками, дымил сигарами по пять центов пара и, рисуясь, с независимым видом поглядывал на девушек. Тут бывали и другие молодые люди — городские франты и бездельники, заходившие в отель побриться или выпить стаканчик виски. Басс восхищался ими и стремился им подражать. О человеке тут судили прежде всего по платью. Раз люди хорошо одеты, носят кольца и булавки в галстуках, — что бы они ни делали, все хорошо. Басс хотел походить на них, поступать как они, и его опыт по части пустого и бессмысленного препровождения времени быстро расширялся.



— Почему бы тебе не брать у постояльцев отеля белье в стирку? — сказал он Дженни, выслушав ее рассказ о событиях дня. — Это куда лучше, чем мыть лестницы.

— А как это сделать? — спросила она.

— Да просто обратиться к портье.

Совет показался Дженни очень разумным.

— Только смотри не заговаривай со мной, если встретишь возле отеля, — предупредил он ее, когда они остались одни. — Не подавай виду, что знаешь меня.

— Почему? — простодушно спросила она.

— Ты прекрасно знаешь почему, — ответил брат; он уже не раз говорил, что у них у всех слишком жалкий вид, из-за такой родни сраму не оберешься. — Если встретимся, проходи мимо, и все. Слышишь?

— Хорошо, — кротко ответила Дженни. Хотя брат был лишь годом старше, она всегда ему подчинялась.

На другой день по дороге в отель она заговорила с матерью о предложении брата.

— Басс говорит, мы могли бы брать у постояльцев белье в стирку.

Миссис Герхардт, которая всю ночь мучительно раздумывала над тем, как бы заработать еще что-нибудь сверх трех долларов в неделю за уборку, одобрила идею Басса.

— Это верно, — сказала она. — Я спрошу в отеле.

Однако, когда они пришли в отель, удобный случай представился не сразу. Только под вечер судьба им улыбнулась: старшая горничная велела вымыть пол перед конторкой портье. Это важное должностное лицо явно к ним благоволило. Ему пришлось по душе добрая, озабоченная мать и хорошенькая дочка. И он благосклонно выслушал миссис Герхардт, когда она осмелилась задать ему вопрос, который весь день не выходил у нее из головы:

— Может, кто из ваших постояльцев согласится давать мне белье в стирку? Я была бы так благодарна.

Портье посмотрел на нее и снова прочел на этом невеселом лице безысходную нужду.



— Посмотрим, — ответил он и тотчас подумал о сенаторе Брэндере и генерале Гопкинсе. Оба они люди отзывчивые и охотно помогут бедной женщине. — Поднимитесь вверх к сенатору Брэндеру. В двадцать второй номер. Вот, — портье записал номер на бумажке, — пойдите и скажите, что это я вас прислал.

Миссис Герхардт дрожащей рукой взяла бумажку. Ее глаза были полны благодарности, которую она не умела выразить словами.

— Ничего, ничего, — сказал портье, заметив ее волнение. — Пойдите сейчас же. Он как раз у себя.

Осторожно и почтительно постучала миссис Герхардт в дверь двадцать второго номера; Дженни молча стояла рядом.

Через минуту дверь открылась, и на пороге ярко освещенной комнаты появился сенатор. Он был в изящном смокинге и выглядел моложе, чем показалось им при первой встрече.

— Чем могу служить, сударыня? — спросил он миссис Герхардт, сразу узнав обеих.

Мать совсем смешалась и ответила не сразу:

— Мы хотели спросить... может, вам надо постирать белье?

— Постирать? — переспросил он удивительно звучным голосом. — Постирать белье? Ну, войдите. Сейчас посмотрим.

Он учтиво посторонился, пропуская их, и закрыл дверь.

— Сейчас посмотрим, — повторил он, выдвигая один за другим ящики солидного шифоньера орехового дерева.

Дженни с любопытством оглядывала комнату. Никогда еще она не видела такого множества безделушек и красивых вещиц, как здесь — на камине и на туалетном столике. Мягкое кресло и рядом лампа под зеленым абажуром, на полу толстый пушистый ковер, несколько маленьких ковриков, разбросанных там и сям, — во всем такое богатство, такая роскошь!

— Присядьте, вот стулья, — любезно сказал сенатор, уходя в соседнюю комнату.

Преисполненные пугливой почтительности, мать и дочь из вежливости остались стоять, но сенатор, покончив с поисками, повторил приглашение. Они смущенно и неловко сели.

— Это ваша дочь? — спросил он миссис Герхардт, улыбаясь Дженни.

— Да, сэръ, — ответила мать. — Старшая.

— А муж у вас жив? — расспрашивал он далее. — Как ваша фамилия? Где вы живете?

Миссис Герхардт покорно отвечала на все вопросы.

— Сколько у вас детей? — продолжал он.

— Шестеро, — ответила миссис Герхардт.

— Семья не маленькая, что и говорить. Вы, без сомнения, выполнили свой долг перед страной.

— Да, сэръ, — ответила миссис Герхардт, тронутая его вниманием.

— Так вы говорите, это ваша старшая дочь?

— Да, сэръ.

— А чем занимается ваш муж?

— Он стеклодув. Только он сейчас хворает.

Они беседовали, а Дженни слушала, и большие голубые глаза ее глядели удивленно и пытливо. Всякий раз, как сенатор смотрел на нее, он встречал такой простодушный, невинный взгляд, такую чудесную улыбку, что ему трудно было отвести глаза.

— Да, — сказал он сочувственно, — все это очень печально. У меня тут набралось немного белья, вы его выстирайте, пожалуйста. А на той неделе, вероятно, будет еще.

Он сложил белье в небольшой, красиво вышитый синий мешок.

— В какой день вам его принести? — спросила миссис Герхардт.

— Все равно, — рассеянно ответил сенатор. — В любой день на той неделе.

Она скромно поблагодарила его и собралась уходить.

— Вот что, — сказал он, пройдя вперед и открывая перед ними дверь. — Принесите в понедельник.

— Хорошо, сэр, — сказала миссис Герхардт. — Спасибо вам.

Они ушли, а сенатор вновь принялся за чтение, но почему-то им овладела странная рассеянность.

— Печально, — сказал он, закрывая книгу. — В этих людях есть что-то очень трогательное.

Образ Дженни, полной изумления и восторга, витал в комнате.

А миссис Герхардт с дочерью снова шли по мрачным и темным улицам. Неожиданная удача необычайно подбодрила их.

— Какая у него прекрасная комната, правда? — прошептала Дженни.

— Да, — ответила мать. — Он замечательный человек.

— Он сенатор, да? — продолжала дочь.

— Да.

— Наверно, приятно быть знаменитым, — тихо сказала девушка.

## ГЛАВА II

Духовный облик Дженни — как его описать? Эта бедная девушка, которую нужда заставила помогать матери, стиравшей на сенатора, брать у него грязное белье и относить чистое, обладала чудесным, мягким характером, всю прелесть которого не выразишь словами. Бывают такие редкие, особенные натуры, которые приходят в мир, не ведая зачем, и уходят из жизни, так ничего и не поняв. Жизнь всегда, до последней минуты, представляется им бесконечно прекрасной, настоящей страной чудес, и если бы они могли только в изумлении бродить по ней, она была бы для них не хуже рая. Открывая глаза, они видят во круг совершенный мир, который им так по душе: деревья, цветы, море звуков и море красок. Это — их драгоценнейшее наследство, их лучшее богатство. И если бы никто не остановил их словами: «Это мое», — они, сияя счастьем,

ем, могли бы без конца странствовать по земле с песнью, которую когда-нибудь услышит весь мир. Это песнь доброты.

Но, втиснутые в клетку реального мира, такие люди почти всегда ему чужды. Мир гордыни и алчности косо смотрит на идеалиста, мечтателя. Если мечтатель заглянется на пролетающие облака, его упрекнут в праздности. Если он вслушивается в песни ветра, они радуют его душу, а окружающие тем временем спешат завладеть его имуществом. Если весь так называемый неодушевленный мир захватит его, призывая столь нежными и чарующими голосами, что кажется, они не могут не быть живыми и разумными, — мечтатель гибнет во власти стихий. Действительный мир всегда тянется к таким людям своими жадными лапами и завладевает ими. Именно таких жизнь превращает в покорных рабов. Такой была и Дженни в этом прозаическом мире. С детства каждый ее шаг был подсказан добротой и нежностью. Когда Себастьян падал и ушибался, это она, преодолевая тревогу и страх за брата, помогала ему встать и приводила к матери. Когда Джордж жаловался, что он голоден, она отдавала ему свой кусок хлеба. Долгими часами она баюкала младших братьев и сестер, ласково напевая и в то же время грезя о чем-то. Едва научившись ходить, она стала верной помощницей матери. Она мыла, чистила, стряпала, бегала в лавку и нянчила малышей. Никто никогда не слышал от нее ни слова жалобы, хотя она нередко задумывалась над своей горькой долей. Она знала, что многим девочкам живется гораздо привольнее и радостнее, но и не думала им завидовать; ей случалось втайне грустить, и все же она пела свои песенки. В ясные дни, когда она смотрела из окна кухни на улицу, ее тянуло на простор, в зеленые луга. Красота природы, ее линии и краски, свет и тени волновали девочку, как прекрасная музыка. Бывало, она уводила Джорджа и других детей в заросли орешника, в уютный тенистый уголок, где струился говорливый ручей, а вдали широко раскинулись поля. Она не



умела, как делают поэты, выразить словами то, что чувствовала, но душа ее живо откликнулась на всю эту красоту и радовалась каждому звуку, каждому дуновению.

Когда издали доносилось негромкое, нежное воркованье лесных горлинок — этих духов лета, — она наклоняла голову и прислушивалась, и полные нежности звуки, словно серебряные капли, падали ей прямо в сердце.

Когда солнце пригревало жарче и сквозные тени и золотые узоры ложились на траву, Дженни не могла налюбоваться ими, ее тянуло туда, где лучи сверкали всего ярче, и, как замороженная, она уходила все дальше в мирную чашу леса.

Она чувствовала всю прелесть красок. Чудесное сияние, что разливается по небу в час заката, несказанно радовало и восхищало ее.

— Хорошо бы уплыть с этими облаками, — совсем по-детски сказала она однажды.

Она нашла качели, которые сама природа сплела из лозы дикого винограда, и теперь качалась на них с Мартой и Джорджем.

— Да, если бы была такая лодка, — сказал Джордж.

Запрокинув голову, Дженни смотрела на далекое облако — алый остров в море серебра.

— Вот бы людям жить на таком острове, — сказала она.

Мысленно она была уже там и легко пробегала по воздушным тропам.

— Смотри, пчела, — объявил Джордж, показывая на летящего мимо шмеля.

— Да, — мечтательно отозвалась Дженни, — она спешит к себе домой.

— А разве у всех есть дом? — спросила Марта.

— Почти у всех, — ответила Дженни.

— И у птиц? — спросил Джордж.

— Да, — сказала Дженни, всем существом чувствуя поэзию этой мысли, — и у птиц есть дом.

— И у пчел? — настаивала Марта.

— Да, и у пчел.

— И у собак? — спросил Джордж, увидев невдалеке на дороге одиноко бредущего пса.

— Ну конечно, — сказала Дженни. — Разве ты не знаешь, что у собак есть дом?

— А у комаров? — приставал мальчик, заметив комариный хоровод, вьющийся в прозрачных сумерках.

— Да, — сказала она, сама наполовину веря этому. — Слушайте!

— Ого! — недоверчиво воскликнул Джордж. — Вот бы поглядеть, какие у них дома.

— Слушайте! — настойчиво повторила Дженни и подняла руку, призывая к молчанию.

Был тот тихий час, когда вечерний звон, как благословение, раздается над гаснущим днем. Смягченные расстоянием звуки тихо плыли в вечернем воздухе, и сама природа словно затихла, прислушиваясь вместе с Дженни. В нескольких шагах от нее прыгала по траве красногрудая малиновка. Жужжала пчела, где-то позвякивал колокольчик, подозрительное потрескивание в ветвях выдавало крадущуюся за орехами белку. Забыв опустить руку, Дженни слушала, пока протяжный звон не замер в воздухе, и сердце ее переполнилось. Тогда она поднялась.

— О! — вырвалось у нее, и в порыве поэтического восторга она крепко стиснула руки. В глазах ее стояли слезы. Чудесное море волновавшего ее чувства захлестывало берега. Такова была душа Дженни.

### ГЛАВА III

Сенатор Джордж Сильвестр Брэндер был человек необычного склада. Изворотливость политического дельца своеобразно сочеталась в нем с отзывчивостью народного представителя. Уроженец южного Огайо, он там же вырос и получил образование, если не считать двух лет, когда он изучал право в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Он знал гражданское и уголовное право, пожалуй, как никто другой во всем штате, но никогда не занимался им

с тем усердием, которое необходимо для выдающихся успехов на адвокатском поприще. Он неплохо зарабатывал, и ему не раз представлялась блестящая возможность заработать куда больше, если бы он пожелал пойти на сделку с совестью, но на это он не был способен. И однако, при всей своей честности и неподкупности, он подчас не мог устоять перед просьбой какого-нибудь приятеля. Лишь недавно, на последних президентских выборах, он поддержал кандидатуру человека, который — Брэндеру это было хорошо известно — отнюдь не обладал качествами, необходимыми для правителя.

Точно так же он был повинен в том, что несколько раз предоставлял государственные должности людям сомнительным, а в двух или трех случаях — явно непорядочным. Когда его начинали одолевать угрызения совести, он успокаивал себя любимым присловьем: «Мало ли что в жизни бывает». Иной раз он подолгу одиноко просиживал в своем кресле, погруженный в невеселое раздумье, и потом, поднимаясь, с виноватой улыбкой повторял эти слова. Совесть его отнюдь не молчала, а его сердце во всяком случае чутко отзывалось на все.

Этот человек, трижды избиравшийся в Законодательное собрание штата от округа, в состав которого входил Колумбус, и дважды — в сенат Соединенных Штатов, никогда не был женат. В юности он серьезно влюбился, и не его вина, что это не кончилось браком. Дама его сердца не пожелала ждать его, а ему тогда предстояло еще долго добиваться положения, которое дало бы ему возможность содержать семью.

Высокий, статный, широкоплечий, он внушал уважение одним своим видом. Он пережил утраты, изведал удары судьбы, в нем было что-то, вызывающее симпатию в людях с живым воображением. Он слыл добрым и любезным, а его коллеги по сенату считали, что он звезд с неба не хватает, но очень милый человек.

Тогдашнее пребывание сенатора Брэндера в Колумбусе вызвано было необходимостью укрепить его пошат-



нувшийся политический престиж. На последних выборах в конгресс его партии не повезло. Сам он располагал достаточным количеством голосов и мог вновь быть избран, но для того, чтобы удержать их за собой, требовалось немало политической изворотливости. Ведь есть еще честолюбцы, кроме него. Найдется с полдюжины возможных кандидатов, и любой из них будет рад занять его место. Он отлично понимал, что сейчас от него требовалось. Противникам будет не так-то просто его одолеть, но если это и произойдет, думалось ему, президент, конечно, не откажется поручить ему какой-нибудь дипломатический пост за границей.

Да, сенатора Брэндера вполне можно было назвать человеком преуспевающим, но при всем том он чувствовал, что в его жизни чего-то не хватает. Он еще не сделал всего, что хотел. Вот ему пятьдесят два года, у него незапятнанная репутация почтенного, уважаемого и видного деятеля, но он одинок. Невольно он все снова и снова думал о том, что рядом нет никого, кому он был бы дорог. Собственная комната подчас казалась ему странно пустой, и он испытывал отвращение к самому себе.

«Пятьдесят лет! — часто думал он. — И один, один как перст...»

В этот субботний вечер, когда он сидел у себя в комнате, к нему тихонько постучали. Он в это время размышлял о том, сколь преходяще все в мире — и жизнь, и слава — и сколь бесплодна с этой точки зрения его политическая деятельность.

«Вот мы бьемся, жаждем завоевать какое-то положение, — думалось ему. — А пройдет несколько лет, и как мало все это будет значить для меня!»

Он поднялся, распахнул дверь и увидел Дженни. Она предложила матери отнести белье, не дожидаясь понедельника, чтобы удивить сенатора быстротой работы.

— Заходите, — сказал Брэндер и, как и в первый раз, любезно пропустил ее вперед.

Дженни вошла, ожидая похвалы за то, что они так быстро справились, но сенатор этого даже не заметил.



## Драйзер Т.

Д 72 Дженни Герхардт : роман / Теодор Драйзер ; пер. с англ. Норы Галь, М. Лорие. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-07136-0

Теодор Драйзер — знаменитый американский писатель и общественный деятель. Его произведения, затрагивающие острые социальные проблемы, пользовались огромным успехом у читателей во всем мире и до сих пор вызывают самый живой интерес. Роман «Дженни Герхардт» (1911), в котором рассказана история девушки из бедной семьи, считается самым поэтичным в творчестве Драйзера. Критика не сразу оценила талант писателя: его сочинения называли безнравственными, циничными и порочащими американскую мечту. В 1930 году Синклер Льюис в своей нобелевской речи сказал, что премия по праву должна была достаться Теодору Драйзеру, ведь именно он «освободил американскую литературу от викторианской робости и направил ее по пути смелого, честного и страстного изображения жизни».

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ДЖЕННИ ГЕРХАРДТ

Ответственный редактор Алла Степанова  
Художественный редактор Валерий Гореликов  
Технический редактор Татьяна Раткевич  
Компьютерная верстка Владимира Сергеева  
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова  
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 10.10.2018. Формат издания 75 × 100 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака АЗБУКА®  
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А  
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»  
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93



www.oaompk.ru, www.oaompk.pф  
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества  
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new\_authors/



A-AKB-15131-07-R